

Глава 39. Избалованный молодой господин (6)

После того как первый принц поссорился с Ши Цинем и был изгнан императором из дворца в собственную резиденцию, оставшиеся принцы стали относиться к юному господину с ещё большим подбострастием, чем к родным братьям.

В конце концов, первый принц был явным фаворитом и главным претендентом на престол, но после столкновения с Ши Цинем он не только не добился справедливости, но и лишился права жить во дворце.

Если раньше они просто хотели угодить Ши Цину, то теперь откровенно боялись его обидеть.

Всем было известно, что юный господин Ши избалован до крайности, обладает дурным нравом и вспыльчив. Прежде они тешили себя мыслью, что, будучи принцами и слыша от него вежливые обращения «брат», они занимают в его сознании особое место и он понимает, что их нельзя оскорблять.

Однако горький урок первого принца послужил для них настоящим отрезвляющим душем.

Разумеется, они дружно забыли, как сами же подливали масла в огонь и способствовали тому, чтобы старший брат был вычеркнут из списка претендентов на трон.

Ши Цину было всего четырнадцать, он вырос в неге, и отец явно покровительствовал ему. Такой человек не потерпит и малейшей обиды.

В общем, осторожность, осторожность и ещё раз осторожность — вот их новый девиз.

Поэтому все трое принцев с молчаливого согласия игнорировали всё более изощрённые издевательства Ши Цина над Юй Чэньнянем.

С тех пор как Ши Цин заявил императору об их «дружбе», эти двое были практически неразлучны во дворце.

Вот только, по мнению принцев, для Юй Чэньняня это было далеко не благом.

Если раньше Ши Цин лишь изредка обращался с ним как со слугой, то после отъезда первого принца он и вовсе сделал Юй Чэньняня своей тенью. В глазах братьев тот превратился в личного прислужника.

По доходившим до них слухам, Ши Цин каждый день заставлял Юй Чэньняня проводить с ним полуденный отдых, якобы используя его, чтобы греть ноги.

Ши Цин был привередлив в еде, но дворцовый этикет требовал, чтобы чиновники, приглашённые во дворец, съедали свою порцию дочиства. Раньше он тайком избавлялся от еды, и окружающие делали вид, что ничего не замечают. Но, видимо, юный господин решил, что заставлять Юй Чэньняня доедать за ним надёжнее. Каждый обед он утаскивал его в свои покои и скармливал ему блюда, которые ему не нравились.

А узнали они об этом потому, что юный господин перестал, как воришка, выбегать с ларцом для еды, чтобы избавиться от улик.

Даже в редкие выходные дни Ши Цин не оставлял Юй Чэньняня в покое. Он, пользуясь своим пропуском, позволявшим входить и выходить из дворца в любое время, всё равно приезжал и тащил Юй Чэньняня играть в императорский сад.

Слово «играть» следовало бы взять в кавычки.

Недавно он увлёкся живописью, занимаясь всего три дня. Говорил, что учится у европейцев, а для этого требуется, чтобы модель сохраняла одну и ту же позу в течение долгого времени.

Очевидно, Юй Чэньнянь и стал его «моделью».

Подумать только, принц крови, и такое обращение! Лишь Юй Чэньнянь, с детства лишившийся матери и воспитанный свергнутой императрицей в холодном дворце, с его низким статусом, мог терпеть подобное от Ши Цина.

Если бы на его месте оказался любой из них — греть кому-то ноги, доедать объедки, стоять неподвижно по полчаса — одного этого было бы достаточно, чтобы впасть в ярость.

Принц крови, сын императора — как он может исполнять столь низменную работу?

Но Юй Чэньнянь терпел.

И поэтому трое братьев всё больше убеждались, что их младший, девятый брат — трусливый, безвольный и бесхарактерный мямля.

Помня, на какие грабли наступил первый принц, они поумнели и больше не унижали Юй Чэньняня напрямую. В конце концов, согласно извращённой логике юного господина Ши, он мог издеваться над Юй Чэньнянем сколько угодно, но если это делал кто-то другой — это было оскорблением его, Ши Цина, лица. А за своё лицо этот маленький, вспыльчивый деспот был готов растоптать любого.

Впрочем, они не сильно страдали от потери такого развлечения. Наблюдать, как Юй Чэньняня унижает Ши Цин, было не менее приятно. Одна только мысль о том, какое унижение и бессилие испытывает Юй Чэньнянь, вынужденный сносить все эти оскорбления, наполняла их

сердца ликованием.

В этот день вновь настало время обеда.

Евнухи почтительно расставили на их столах ларцы с едой. Ши Цин, как обычно, вздёрнул подбородок и позвал:

— Юй Чэньнянь.

Сидевший в самом конце юноша молча поднялся. Лево́й рукой он взял свой ларец, а правой привычно подхватил ларец Ши Цина, словно безмолвный слуга.

Лишь когда тот замер рядом с двумя ларцами в руках, юный господин удовлетворённо поднялся и вальяжно направился к выходу.

Юй Чэньнянь неотступно следовал за ним, не произнеся ни звука.

Принцы, которым евнухи как раз открывали их собственную еду, многозначительно переглянулись.

Им стало почти жаль Юй Чэньняня. Как-никак, принц, а какой-то подданный обращается с ним как с последним рабом.

Впрочем, эта жалость была мимолётной.

А вот Юй Чэньнянь, последовавший за Ши Цином во внутренние покои, не чувствовал ни капли унижения.

Едва войдя в комнату, Ши Цин отослал прислугу и, дождавшись, когда Юй Чэньнянь поставит ларцы на стол, сам уселся, скрестив ноги.

Юй Чэньнянь молча опустил ся напротив и стал наблюдать, как юный господин с энтузиазмом открывает свой ларец и палочками начинает перекладывать нелюбимые блюда в его, Юй Чэньняня, посуду.

— Это говядина?

Ши Цин нахмурил тонкие брови, поднёс кусочек мяса к носу, принюхался и тут же скривился от отвращения.

— Фу, какой запах. На императорской кухне что, нет ни одного приличного повара?

Он брезгливо поджал губы и с недовольным видом переложил всю говядину из своего ларца в ларец Юй Чэньняня.

— Рыба. Слишком много костей, тебе отдам.

— Что, тут ещё и суп?

Ши Цин открыл нижний ярус ларца и извлёк оттуда дымящуюся пиалу. Размешав содержимое палочками, он увидел на дне корень женьшеня.

Даже на императорской кухне женьшень был редкостью. Из-за ограниченного месячного лимита он ценился на вес золота.

Этот восстанавливающий ци суп из женьшеня явно не входил в рацион простого товарища по учёбе. Скорее всего, повара, зная об особом статусе Ши Цина и о том, как он расправился с первым принцем, решили таким образом задобрить этого грозного юнца.

К их несчастью, Ши Цин не был обычным компаньоном.

Он с пелёнок питался деликатесами и на какой-то жалкий женьшеневый суп смотрел свысока. Увидев корень, он без интереса отставил пиалу в сторону.

— Это тоже тебе.

После этого Ши Цин, продолжая бормотать себе под нос, что кухня совсем испортилась, блюда безвкусные, а у поваров ни стыда ни совести, перебрал оставшуюся еду и переложил всё, что ему не нравилось, в тарелку Юй Чэньняня.

Закончив с этим, юный господин наконец с довольным видом приступил к трапезе.

Хотя обычно он казался невероятно гордым и надменным, воспитан он был в знатной семье, поэтому ел медленно и сосредоточенно, с поразительной аккуратностью.

Юй Чэньнянь на публике почти всегда молчал. С Ши Цинем он мог перекинуться парой слов, но лишь когда тот сам обращался к нему с вопросом.

Увидев, что Ши Цин начал есть, Юй Чэньнянь, до этого неподвижно наблюдавший за его манипуляциями, тоже взялся за еду.

Он начал с блюд из своего собственного ларца.

Юй Чэньнянь подцепил палочками тушёный баклажан. На вид блюдо выглядело превосходно, аппетитно и ярко. Но только тот, кто пробовал его, знал, насколько отвратительным оно было на вкус.

Слишком много масла, снаружи — подгоревшая корочка, а внутри — сырая мякоть. Ощущения при жевании были неопишимо мерзкими.

Окажись на его месте избалованный юный господин, он бы выплюнул это после первого же укуса.

Юй Чэньнянь же с невозмутимым видом прожевал и проглотил.

Лишь обитатели дворца знали, какой ужасной может быть жизнь нелюбимого господина. Дворец кишел подхалимами, готовыми растоптать слабого и превозносить сильного. К тому же, приёмная мать Юй Чэньняня когда-то была всеильной императрицей. Даже не причинив никому зла, она одним своим положением перешла дорогу многим.

Когда она была на троне, эти люди таили злобу, но ничего не могли поделать.

Но когда она упала с высоты в холодный дворец, желающие пнуть падшую посыпались один за другим.

Не только знать, но и прислуга оценивала, кому стоит угождать.

Кухня была ярким тому примером. Любимчикам, вроде Ши Цина, не нужно было и слова говорить — им заискивающе подносили женьшеневый суп.

А над такими, как Юй Чэньнянь, открыто издевались. Отличную еду намеренно остужали, прежде чем положить в ларец, а сами блюда готовили спустя рукава.

Суп? Ещё чего! Нашёл важную персону.

Это был обычный способ вымогательства денег. Хочешь есть горячее и вкусное — плати. Не хочешь — давься холодными помоями.

Ведь упавший феникс хуже курицы. Те, над кем они так издевались, как правило, уже никогда не могли подняться.

Юй Чэньнянь, как приёмный сын свергнутой императрицы, рос так с самого детства.

То, что для Ши Цина было невыносимым страданием, для него было обыденностью.

Он был в том возрасте, когда тело требовало много пищи, и его дневная порция была куда больше стандартной. Другие принцы, проголодавшись, могли в любой момент приказать принести еду с кухни.

Юй Чэньнянь, будучи нелюбимым, был лишён такой привилегии. Даже его скудный паёк, проходя через множество рук, уменьшался настолько, что не хватало даже на то, чтобы докупить еды.

Раньше Юй Чэньнянь мог лишь терпеть. Днём было ещё ничего, но по ночам желудок скручивало от голодных спазмов.

Но с тех пор как Ши Цин после стычки с первым принцем утвердил свой статус во дворце, его хвост задрался ещё выше, и он начал открыто сваливать нелюбимую еду Юй Чэньняню.

Ежедневно съедая почти полторы порции, Юй Чэньнянь наконец перестал просыпаться по ночам от голода.

Доев свою часть, юноша принялся за еду, отданную Ши Цином.

Хотя юный господин брезгливо отвергал то одно, то другое, его блюда были приготовлены лучшими поварами с особой тщательностью и усердием. Ведь если бы он остался недоволен и пожаловался Его Величеству, всей кухне бы не поздоровилось.

Вкус отвергнутых Ши Цином блюд был превосходен, и даже ингредиенты были отборными. Съев всё, Юй Чэньнянь в последнюю очередь выпил суп.

Пиала женьшеневого отвара согрела всё тело изнутри.

[День! Степень отторжения Юй Чэньняня: 75/100]

Ши Цин не удивился.

В последние дни, что бы он ни делал, степень отторжения Юй Чэньняня снижалась сама собой. Если бы не ограничение в один месяц, можно было бы просто продолжать в том же духе и дожидаться, пока показатель сам упадёт ниже пятидесяти.

Юй Чэньнянь уже закончил, а Ши Цин не съел и половины, всё так же медленно и мелкими кусочками поглощая свой обед.

Увидев, что юноша отложил палочки, он недовольно нахмурился и, забыв про правило «за едой и во сне не разговаривают», произнёс:

— Почему ты всегда так быстро ешь? У тебя же еды больше, чем у меня.

Юй Чэньнянь понял: в юном господине снова проснулось желание во всём быть первым.

Ши Цин был гордым и тщеславным. Его величайшим удовольствием было превосходить других, а величайшим раздражением — когда превосходили его.

Он посмотрел на надувшегося юношу и тихо, низким голосом ответил:

— В следующий раз я не буду есть так быстро.

— Я что, похож на того, кому нужны поддавки?!

Ши Цин не оценил его порыва. Отбросив палочки, он повернулся, взобрался на кушетку, скинул сапожки и зарылся в одеяло.

— В такую стужу в комнате всего одна жаровня, как тут вообще есть? У меня палочки из рук вываливаются.

Он засунул голову под одеяло и сердито пробурчал:

— Не буду есть!

Юй Чэньнянь взглянул на его почти нетронутую еду.

Хоть Ши Цин и ел мало, такой порции ему точно не хватит.

Юноша поднялся и предложил:

— Может, поедите на кушетке?

— Как можно есть на кушетке, укутавшись в одеяло?

Юный господин превратился в кокон.

Этот кокон недовольно перекатился с боку на бок, затем из него показалась голова, и внезапно глаза его загорелись.

— Ты меня покормишь, — капризно приказал он.

Возможно, опасаясь отказа, он, не дожидаясь ответа, поторопил:

— Что застыл? Хочешь меня заморозить? Быстрее!

Юй Чэньнянь посмотрел на закутанного с ног до головы юного господина, из-под одеяла виднелась лишь его макушка. Взгляд юноши потемнел, но он покорно взял ларец, подошёл и сел на край кушетки.

Поскольку на тарелке остались только любимые блюда Ши Цина, тот поленился выбирать и просто лёг на спину. Укрытый тёплым, плотным одеялом, со спрятанными внутри руками и ногами, он, словно птенец, ждущий корм, доверчиво открыл рот.

Юй Чэньняню редко выпадала возможность принимать решения за других.

Он набрал в ложку немного риса. Это был отборный рис из Уцзяна, кристально-прозрачный, с округлыми зёрнами. На вкус он должен был быть мягким и нежным, совсем как Ши Цин, когда тот сворачивался у него на груди во время дневного сна.

Ложка коснулась губ юноши, и тот послушно сомкнул их, с довольным видом начиная жевать. Радость от того, что не нужно мёрзнуть, держа в руках холодные палочки, отразилась на его лице.

Юй Чэньнянь подцепил мясную тефтельку.

Ши Цин так же послушно съел.

Глядя на покорного юношу, который ел всё, что ему давали, Юй Чэньнянь ощутил, как в душе зарождается новое, сложное чувство.

То, что этот нежный, избалованный юноша позволяет ему себя кормить, рождало сладость, подобную мёду.

А мысль о том, что для Ши Цина он — лишь удобный слуга, отзывалась горечью и кислотой.

Это чувство напоминало голодное детство, когда он, забравшись на дерево, срывал хурму и откусывал вяжущий, незрелый плод. Горечь сводила скулы, но горящий желудок получал спасение. Неопишимо сложное ощущение.

Так, с этой сложной гаммой чувств, юноша медленно накормил ожидавшего с открытым ртом юного господина.

Насытившись, Ши Цин сладко зевнул. Его круглые, обычно надменные глаза начали слипаться.

Ему хотелось спать.

Но сонный юный господин не уснул сразу. Он перекатился на внутреннюю сторону кушетки и, похлопав по освободившемуся месту, поторопил:

— Я спать. Быстро ложись.

Юй Чэньнянь молча взобрался на кушетку и привычно скользнул под одеяло.

Едва он устроился, как тёплое тело юноши тут же придвинулось к нему. Тот ловко раздвинул его руки и зарылся к нему на грудь.

Устраиваясь, Ши Цин высунул голову и ткнул его пальцем:

— Мне кажется, ты стал как будто крепче?

Ощущая, как нежные пальцы юноши исследуют его тело, Юй Чэньнянь невольно напрягся. В горле пересохло, но голос остался ровным.

— Немного.

В последнее время он хорошо ел и спал, да ещё и время от времени ему перепал питательный отвар. В его возрасте тело росло быстро. Не прошло и полумесяца, как он подрос, и мышцы налились силой.

— Ты так быстро растёшь.

В голосе Ши Цина прозвучала нотка зависти. Он, словно от нечего делать, продолжал тыкать в Юй Чэньняня.

— Я с детства ел лучшие яства, а всё равно остался таким хрупким. Вот бы мне быть таким же крепким, как ты.

Юй Чэньнянь же считал, что юному господину и так хорошо.

Нежный, мягкий, каждая черта его тела была совершенна. Он казался хрупким, но в руках ощущалась приятная упругость.

А его тонкую талию, казалось, можно было обхватить одной рукой.

Возможно, из-за того, что его собственная жизнь с детства была под чужим контролем, Юй Чэньняню особенно нравилось это чувство — когда что-то можно полностью объять одной рукой.

И Ши Цин, несомненно, вписывался в эти предпочтения.

— Впрочем, я ещё не так стар, — продолжал юный господин, — ещё вырасту. Когда достигну твоего возраста, наверняка уже не буду таким, как сейчас.

От его слов в сознании юноши начал вырисовываться образ семнадцати-восемнадцатилетнего Ши Цина.

Он определённо станет выше, черты лица заострятся. Он и сейчас был красив, а повзрослев, не сильно изменится.

Хрупкое телосложение никуда не денется, но вот будет ли он тогда так же послушно сворачиваться в его объятиях, касаясь его своими нежными, без единой мозоли, пальцами?

Ши Цин просто высказал мимолётную зависть и, закончив, снова зарылся ему в грудь и мгновенно уснул.

Один лишь Юй Чэньнянь, охваченный жаром от собственных фантазий о будущем, остался лежать без сна.

Он не смел пошевелиться, чтобы не потревожить сон Ши Цина, но и уснуть больше не мог.

Так он и пролежал без движения весь полдень, глядя в потолок широко открытыми глазами.

<http://bllate.org/book/15834/1439596>